

9 КРУГОЗОР 76

Л. И. БРЕЖНЕВ:
Коммунистическое воспитание предполагает постоянное совершенствование системы народного образования и профессиональной подготовки.

Это особенно важно сейчас, в условиях научно-технической революции.

Она придает иной, чем прежде, характер труду, а стало быть, и подготовке человека к труду.

*Из Отчета ЦК КПСС
XXV съезду партии*

ПЯТИЛЕТКА: КАЧЕСТВО РАБОТЫ

На красивых и модных мужских сорочках, сшитых в Тирасполе, словно птица со вскинутыми крыльями,— Знак качества. Тирасполь—конец сквозной цепочки, протянутой в Ленинград и Москву, в хлопководческие совхозы Средней Азии. Ведь чтобы тираспольские швейницы могли шить высококачественные сорочки, надо, чтобы таким же Знаком была отмечена продукция ленинградец с ситценабивной фабрики имени Слуцкой, с ткацкой имени Желябова, с прядильной фабрики «Веретено». Ну, а ленинградцам — иначе подведешь подруг из Молдавии — нужен хло-

ИСКРЫ ПОЧИНА

*Бригадир Валентина Мунтян:
ДЛЯ МЕНЯ БРИГАДА — ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ.
Инженер Анна Павлова:
ЗА СПИНОЙ КАЖДОГО — СОВЕСТЬ.
Директор Валентина Соловьева:
ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ, СОРЕВНУЯСЬ,
ПОКАЗАТЬ ВСЮ КРАСОТУ СВОЕЙ ДУШИ.*

пок отличного качества, и тут слово и дело за совхозом «Москва», расположенным в Байрам-Алийском районе Таджикской ССР. Отсюда поступает сырье в Ленинград.

Связывать в одну цепь все звенья производства — вот в чем смысл инициативы, родившейся на Тираспольской швейной фабрике. Именно здесь проходил первый Всесоюзный слет сквозных бригад отличного качества, почему я и оказалась у организаторов слета — на Тираспольской швейной фабрике имени 40-летия ВЛКСМ.

— В нашей стране швейных фабрик не одна тысяча. Чем объяснить, что первыми стали именно вы? — спросила я у директора фабрики Героя Социалистического Труда В. С. Соловьевой.

И вот тут-то совсем неожиданно для меня прозвучало имя Суворова.

— Знаете, с чьим именем связывают возникновение нашего города? — улыбнулась Валентина Сергеевна. — А какой девиз был у Суворова, тоже знаете?

Парень поднимает васильковые глаза, говорит уверенно и просто:

— Так ведь выгодно...—И перечисляет:— Среднее образование — раз, профессия — два, потом три года производственного стажа...

Директору училища В. В. Рейваху такой ответ явно нравится, но, искоса взглянув на мое озадаченное лицо, Виктор Васильевич спрашивает:

— Что вас смущает? Слово «выгода» в устах подростка? Напрасно. Мы вон ребятам в школе чуть ли не с первого класса высшей математике стали обучать. Так плохо ли, что в шестнадцать лет парень начинает понимать ответственность за свою судьбу?

Воспитание чувства ответственности за свою да и не только за свою судьбу — вот одно из основных направлений усилий всего коллектива училища, определившее его успех. Парню, пришедшему сюда, говорят: учись, получи профессию, привыкай жить в коллективе. Мы поможем тебе в этом. И все же помни: за все, что в тебе и вокруг тебя, прежде всего отвечаешь ты сам.

И эта ставка на личную ответствен-

Слово — мастерам-наставникам:

Рашид Маннаилов:

ПРО СОВРЕМЕННУЮ МОЛОДЕЖЬ ОБЫЧНО ГОВОРЯТ — ТРУДНАЯ...

Галина Веселова:

БЫТЬ В ЦЕНТРЕ ВСЕХ РЕБЯЧЬИХ БЕД И РАДОСТЕЙ...

Василий Лебедев:

ЧУВСТВОВАТЬ ПЕРЕД СОБОЙ ЧЕЛОВЕКА!

РЕБЯТА НАСТОЯЩИЕ

3

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Невысокий паренек, подвижный, как ртуть, внезапно посерьезнев, тянет крепкую ладонь:

— Кононов... Михаил Петрович.

Михаил Петрович огорчен. Пришел поступать в челябинское ПТУ-25 на сварщика, а набор в эту группу уже закончен. Обидно. Тем более что родителей уговорил еле-еле. Дома твердили: заканчивай десятилетку, потом в институт.

— А сам-то ты как решился? — спрашивает кто-то из приемной комиссии.

— Нет,—откровенно призналась я.
— «Обязан — значит могу!» Мы стали инициаторами именно потому, что были обязаны ими стать.

Сквозная ударная... Это имя родилось в буднях первой пятилетки. В 1930 году на Ростовском заводе сельскохозяйственных машин возникла сквозная бригада, которая объединила рабочих различных цехов — от заготовительного до сборочного,— связанных выпуском одной и той же продукции. Идея, как искра, метнулась на Харьковский паровозостроительный, к вагоностроителям Мытищ и металлургам Верх-Исетского завода на Урале. Бригад появилось много, но движение не стало всеохватным и не переступило порог тридцатых годов. Видимо, тогда не пришло для него время. Были самоотверженность, энтузиазм, но сквозные

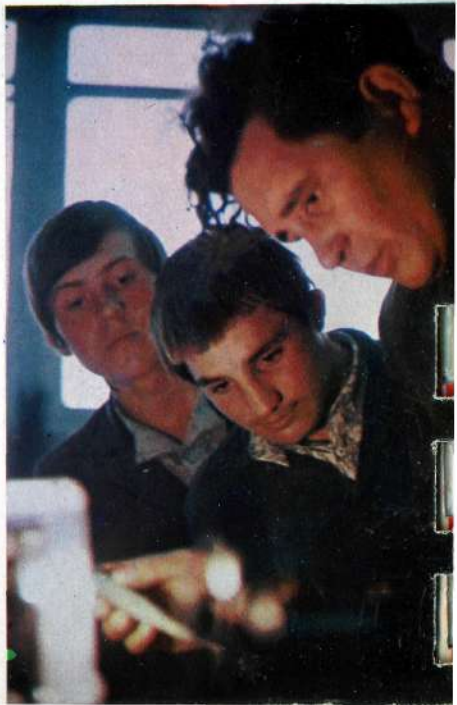
На фото А. Лидова: слева — знатная ткачиха М. И. Виноградова, инициатор почина многостаночниц в 30-е годы, в гостях у швейницы; справа — в свободное от работы время.

ность мужающего юношеского характера рождает ответную активность, становится одним из важных рычагов воспитания рабочего человека.

Одно любопытное наблюдение. За первый год обучения успеваемость поступивших в училище ребят — по школьной программе — значительно повышается. Те, кто в школе, что называется, из двоек и троек не вылезали, получают пятерки и четверки. Что это? Снисходительность педагогов? Совсем нет.

— Так это ж наш хлеб,—объясняет Алеша Пономарев, староста группы слесарей-вентиляционников. — Химия, физика, металловедение... Вот и стараются ребята.

Выгода. Расчет... А что, действительно, в этих словах плохого? Ведь все зависит от того, какой смысл вкладывать в них. И уж, во всяком случае, парень, понимающий «свой маневр», право же, на две головы выше как будущий гражданин общества того не знающего жизни недотепы, какой вырастает порой под крылышком укрывающих его от «прозы жизни» родителей.

ударные требовали еще и мощной технической оснащённости, научной организации труда, сознательности и высокого нравственного уровня всего коллектива...

Вместо многих слов о крепком нравственном здоровье семьи тираспольских швейников приведу лишь один пример. Однажды Валентина Сергеевна Соловьева получила письмо: «...читал я в газете, как замечательно вы работаете, интересно живете, помогаете друг другу... Я-то ведь растратил жизнь совсем на другое. Скоро заканчивается мой срок. Помогите мне начать новую жизнь».

Соловьева собрала бригадиров:

— Что ответим?

— Напишите ему, пусть едет. Человек понял главное: что плохо жил. А жить хорошо мы научим.

Так сказала Зоя Токарева, бригадир первой на фабрике бригады коммунистического труда. Той самой, которую возглавляет сейчас Валентина Мунтян и которая стала основным, самым круп-

ным звеном первой в стране сквозной цепочки отличного качества.

Сквозная бригада отличного качества. Ее организационная форма — технологическая цепочка. Принцип взаимоотношений — «партнер партнеру гарантирует качество». Валентине Мунтян больше нравится формула, найденная поэтом Кириллом Ковальджи: отношения «глаза в глаза». Красиво и точно. К тому же слова настойчиво толкают мысль еще к одному понятию — «ответственность». Ответственность друг перед другом и перед обществом. Она-то и скрепляет всю цепочку людей и дел.

...За раскрытым окном было лето, помолдавски солнечное и зеленое. Шелестела листва, и пели птицы. Но это ничуть не мешало нашему разговору, который вы услышите на первой звуковой странице, подготовленной при участии корреспондента тираспольского городского радио Виктора Старика.

Ада ДИХТЯРЬ
г. Тирасполь

На фото Л. Лазарева: слева — в классе и лаборатории, где занятия ведет мастер Р. М. Маннапов; справа — мастер Г. Е. Веселова среди воспитанников; в спортзале училища начинали свой путь немало известных спортсменов и даже один олимпийский чемпион.

Молодой рабочий ведь не только исполнитель, но и хозяин своего дела. Так здесь считают. И учат рассчитывать. Ну, конечно, не только для себя.

В эти сентябрьские дни в новую лабораторию электрооборудования придут новички. И мастер производственного обучения Р. М. Маннапов с гордостью расскажет, что все, что они видят перед собой, собрали и подарили училищу его ученики. В классах и кабинетах училища вообще поражаешься обилию, а главное — высокому качеству наглядных пособий, стендов, оборудования. И почти все это сделано руками самих ребят.

Группа комсомольцев ПТУ побывала недавно на БАМе. Результат: шефство над Читинским профессионально-техническим училищем № 2, выпускающим специалистов для стройки. Уже готово к отправке оборудование для

слесарного кабинета — 32 верстака, сработанные руками челябинцев.

Нет, не только образование, не только профессию, навык к труду и рабочую сметку дает училище. Здесь учат быть творцом, быть гражданином.

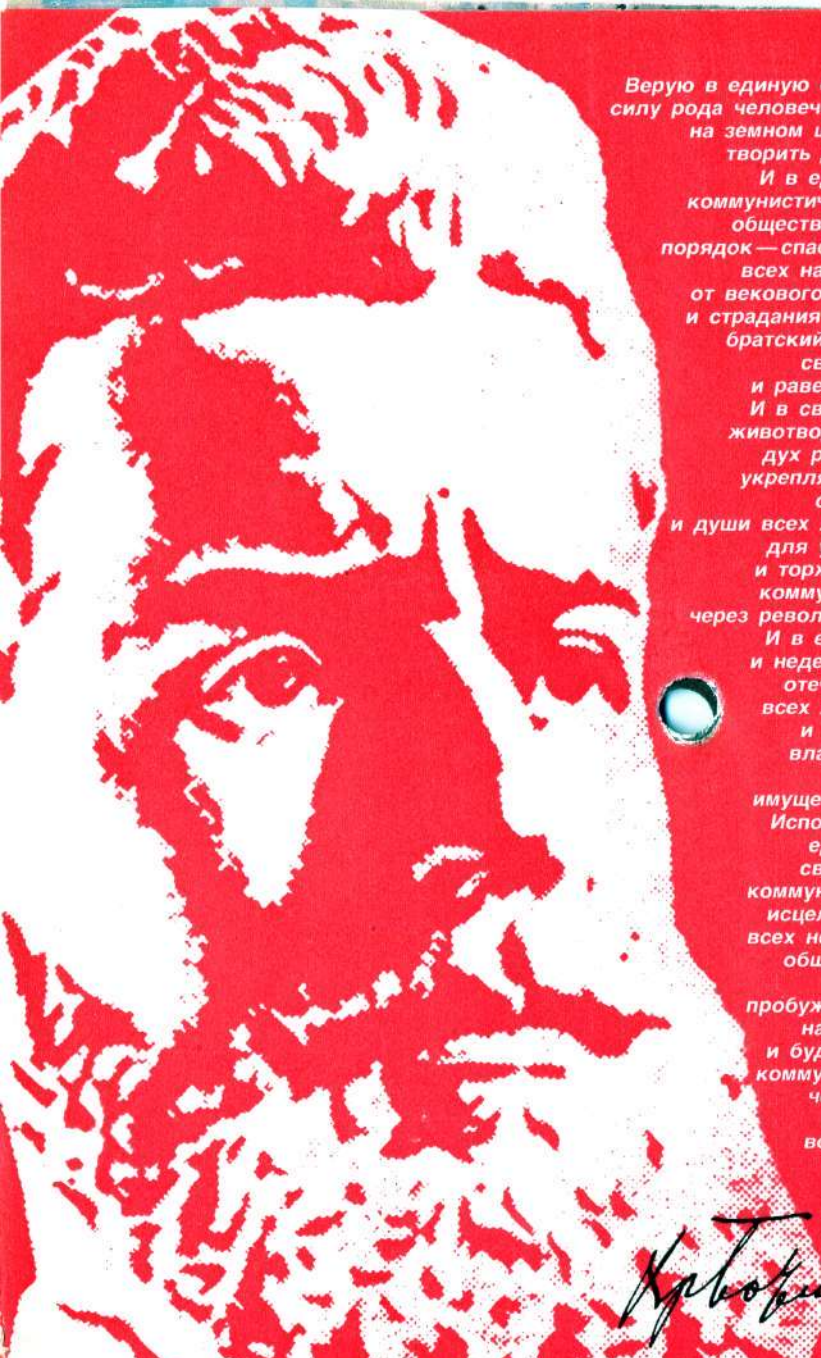
Воспитание — это труд. Работа воспитателя в училище — труд вдвойне. Сегодня он отмечен премией Ленинского комсомола «за большую работу по подготовке и коммунистическому вос-

питанию молодой смены рабочего класса».

...Годы, проведенные в училище, — это время, когда рядом с детством начинается взрослая жизнь. И как здесь необходимо внимание, поддержка старших наставников! Им слово — на третьей звуковой странице.

Виген ГАСПАРЯН
г. Челябинск

Верую в единую общую
силу рода человеческого
на земном шаре —
творить добро.

И в единый
коммунистический
общественный
порядок — спаситель
всех народов
от векового гнета
и страдания через
братский труд,
свободу
и равенство.
И в светлый
животворящий
дух разума,
укрепляющий
сердца
и души всех людей
для успеха
и торжества
коммунизма
через революцию.

И в единое
и неделимое
отечество
всех людей
и общее
владение
всем
имуществом.

Исповедую
единый
светлый
коммунизм —
исцелитель
всех недугов
общества.

Чаю
пробуждения
народов
и будущего
коммунистического
строения
во всем
мире.

Христо Ботев

К 100-летию
героической гибели
Христо Ботева

Христо Ботев написал немного стихов, но любят их в каждом болгарском доме. Чеканные и нежные строки его произведений давно стали народными песнями.

Он не успел пройти всех дорог своего третьего десятилетия, а имя его вписано в историю. Недолгая жизнь Христо Ботева — пример служения родине для многих поколений.

Воспитанный на идеях русских революционеров-демократов — Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, — через всю свою жизнь поэт пронес любовь к русскому народу, к его литературе. Он первым из болгар осознал социальный характер революций и стал теоретиком, стратегом и полководцем болгарского национально-освободительного движения.

ЛЕГЕНДА И

Ботевские слова «о будущем коммунистическом строе во всем мире» очень точно охарактеризовал первый секретарь Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии Тодор Живков: «Тогда это был наш, болгарский, коммунистический манифест. Он появился в то время, когда Болгария все еще изнемогала под пятивековым чужеземным игом, когда еще не было ни болгарской буржуазии, ни болгарского индустриального пролетариата. Но манифест этот означал, что болгарское возрождение, что болгарское освободительное движение не удовлетворится только национальным освобождением, что оно естественно и закономерно перерастет в борьбу за социальное освобождение, за социализм».

Ботев завещал будущим поколениям интернационализм, веру в братский союз освобожденных от гнета и эксплуатации людей. Он был одним из немно-

гих, кто открыто в печати выступил в защиту героев Парижской коммуны, заклеил ее палачей. С надеждой он приветствовал Интернационал Маркса. И его революционные взгляды и его стихи — все звало к жизни, к действию, к борьбе с угнетателями.

Димитр Благоев определил притягательную силу Ботева как создателя «новых принципов, новых идеалов, новых традиций». Этим новым идеалам были верны и первые болгарские марксисты, и участники революционных выступлений 1923 года, и партизаны времен второй мировой войны. В самые страшные дни фашистского террора болгарские коммунисты с гордостью носили у самых сердец портрет Ботева, хотя одного этого было достаточно, чтобы попасть в черные списки полиции. Имя Ботева в ту страшную годину стало паролем, призывом к борьбе.

И совсем не случаен тот факт, что в первые дни нападения гитлеровских орд на Советский Союз в эфире зазвучал голос свободной радиостанции «Христо Ботев». Голос станции звучал издали, но гордое имя Ботева сделало его близким каждому честному болгарину. Своей коммунистической правдой радио «Христо Ботев» вселяло веру и надежду, звало к борьбе. Казалось, что сам живой Ботев звал к победе.

Не случайно, что и сегодняшняя центральная программа Болгарского радио носит бессмертное имя поэта и революционера. Она как бы продолжает эстафету того первого радиоголоса, несшего на своих волнах слово правды.

Принципы нашей революционной публицистики берут свое начало в ботевском мироощущении. Ее главные темы — пафос социалистического строительства новой Болгарии, животвор-

Фрагмент речи
первого секретаря
ЦК БКП Тодора
Живкова
в день 100-летия
гибели поэта,
а также песни
на стихи Ботева
слушайте
на звуковой
странице.
В местах, где
боролся и погиб
Христо Ботев,
специальный
корреспондент
«Кругозора»
В. Скорятин
сделал
документальные
записи.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ные истоки болгаро-советской дружбы, коммунистическое строительство в Стране Советов, дружба нашего народа с народами других стран социализма.

Социалистическая Болгария отметила столетний юбилей ботевского бессмертия. Сбылись мечты этого удивительно человека видеть свою родину свободной и счастливой. Тысячи лучших бойцов с именем Ботева на устах под красным знаменем пролетарского интернационализма в смертельных боях приближали этот желанный миг.

И позывные нашей радиопрограммы, взятые из легендарной песни, написанной на слова Ботева «Кто пал за свободу, тот не умрет», звучат символическим эпиграфом к каждому мирному дню...

Димитр ТОЧЕВ,
главный редактор программы
«Христо Ботев»
радио Болгарии

Любену КАРАВЕЛОВУ

По чувствам мы братья с тобою,
И чаянья наши похожи.
За все, что мы делаем, верю,
Раскаянье нас не загложет.
Пусть судят потомки — творили
Мы зло для людей или благо.
Вперед, взявшись за руки крепко,
Пойдем мы уверенным шагом.
Страданье, нужда на чужбине
Всегда наши спутники были,
Но их на двоих мы разделим,
Как раньше по-братски делили.
Поделим людские укоры,
Насмешников глупые речи.
Все вытерпим, примем без вздоха
Незгоды судьбы человеческой.
И головы нас не заставят
Склонить никакие кумиры.
Сердца наши людям раскрыли
Две наши печальные лиры!
Заране и мысли и чувства
Разделим мы все без изъятья,
Исполним заветное слово
И смерть свою примем как братья!
Перевод Алексея Суркова

Я сижу в комнате, чем-то занята в своем детском хозяйстве. Далеко в кухне соседка, актриса, вечно ищущая работу, всегда в полотенце чапмой (у нее мигрени), поет. Значит, мигрень прошла. Поет: «Мы только знакомы... Ка-а-к странно... Как странно все это, совсем ведь недавно...» Мне странно это «только знакомы». Что это значит? Разве мало, что они знакомы? Но все-таки она поет грустно, и мне ее жаль. И зачем у них разрыв? И почему пропасть?

Я иногда потом слышу это «как странно». В разные годы. Кругом строят, много работают, поют веселые песни. И я пою. Но нет-нет да и слышу, будто кто-то про себя или себе напоеет: «Как странно...» Я знаю, это романс. Они вред. Над ними смеются. Даже поют не «пропасть разрыва», а «баржа с дровами легла между нами». Говорят, как ругают: старинный романс, цыганский или, уж совсем обидно, мецанский. Бранят их и... слушают. Иногда, очень стесняясь, напевают.

Есть, видно, в этих проклятых напевах, даже и вправду нелепых, тайная, злая сила. Не только музыка или слова, но, наверное, память и еще прапамять. Недаром говорят, что в песне история народа. Она ведь и в романсах этих, какая никакая, а история. Потому что память. Как и история—память. А тут и жизнь в ее подробностях. Подробности-то часто и помнятся. Запели, и вспомнил, что было тогда, когда раньше пели. И откликается давнее. Хочешь не хочешь. В этом и сила и тайна. Наверно, где-то в подкорке оживает еще и память о том, как пели наши бабки... Иногда удивляешься, вроде бы и слова не бог весть и мелодия, а помнишь. Услышишь—и тревожит. Пели—и осталось. Ведь и в самом деле: «Как странно... Мы только знакомы». Теперь знаешь—этого мало.

Сколько-то лет тому (давно!) ехали мы в Армению. Группа литераторов: Вера Звягинцева, Лев Пеньковский. За окнами зима, едем в лето. Кто-то в коридоре запел: «Как странно все это, совсем ведь недавно...» Звягинцева говорит: «А знаете ли вы, что это романс-то Льва Минаевича? Слова». Пеньковский, тихий, всегда подтянутый и всегда, до самой старости, без возраста—просто человек—вспыхнул: «Ох, оставьте, Вера Клавдиевна! Бога ради! При чем здесь я! Грех молодости... Стихи—стишки! В семнадцать лет... Начало века...» Он явно стеснялся этого своего романса. Лев Минаевич—и романс,

и—не в духе! Я удивлялась: мне казалось, романс—старинный...

Известно, что часто и стихи и песни остаются в памяти, переживают годы одной строчкой. И, значит, она точна—эта часть, строчка эта, и стоит много целого. Наверно, потому и удивление, что «совсем ведь недавно» живо.

Помню, году в 70-м, в Доме литераторов, вечер старинного романса. Тишина в зале. Много пожилых, старых людей. И молодые. Слушают. Пожилые нет-нет да и потянут, крадучись, платки. Молодые хлопают. Платки—это у них, может быть, потом. И не обязательно оттого, что непременно будет «странно», но и оттого, что будет давно то, что «совсем недавно». И вспомнится, может, и этот зал и этот голос...

А голос поет: «Спокойно и просто мы встре-

Хорошо бы почаще помещать на звуковых страницах русские романсы.
Семья Куприянчук, г. Ачинск, Красноярский край

тились с вами, в душе зажила уже старая рана, но пропасть разрыва легла между нами... Мы только знакомы... Как странно...» Из зала к сцене идет худой, в черном, элегантно человек с необыкновенными огромными красными гвоздиками. Дарит певиче, целует руку. Пеньковский. И тихо в зале. И кажется, иногда «грех молодости» волнует больше иных серьезных, «безгрешных» трудов. Потому что—уж как это получается?—браните его и смейтесь, смейтесь и браните, а беспокоит. Да и над чем только мы не смеялись...

Кто-то, слышу, опять напевает этот романс, а мне становится грустно, и многое видится, и хочется помянуть милого Льва Минаевича добрым словом и за эту песню, которой он когда-то так стеснялся...

Ирина СНЕГОВА

Вера ДУЛОВА,
народная артистка СССР

Начало. До семейного совета, где было решено, что я буду учиться играть на арфе, я никогда ее не видела. Отец—скрипач, профессор Московской консерватории, сказал, что согласен выбрать для меня любой инструмент, кроме смычкового. Я была готова играть на чем угодно, лишь бы не было гамм из пресловутого «Ганона». Папа заметил, что гаммы нужны и барабанщикам, но на арфе можно играть другие экзерсисы. Мне было девять лет, и я согласилась.

Знакомство. Когда я пришла к своей первой учительнице К. А. Эрдели, то увидела какие-то странные предметы в чехлах, похожие не то на верблюдов, не то на огромные утюги. Потом чехлы сняли, и открылась золотистая арфа. Помню, что я ее поцеловала...

Луначарский. Концерт шел под девизом «Дети консерватории—беспризорным детям». Там я впервые увидела А. В. Луначарского. Он пригласил меня поиграть у него дома. На домашнем «музыкальном четверге» зашел разговор о моей стажировке за границей. Тогда учеба молодых советских музыкантов за рубежом субсидировалась в основном из литературного заработка самого Луначарского. Так вскоре я оказалась в Берлине и начала брать уроки у профессора Макса Заала.

Эйнштейн. Однажды в советском посольстве принимали прибывших в Германию советских ученых. Луначарский возглавлял делегацию. После приема выступили наши музыканты, и среди них я. Потом Анатолий Васильевич подвел ко мне незнакомого человека с седыми волосами и жгучей черноты глазами. Человек стал меня спрашивать, как устроены педали, про расположение струн. Я объясняла, Луначарский переводил. Но тут в зимнем саду заиграл оркестр, пошли танцы, и я тихо сказала Анатолию Васильевичу, что мне наскучили вопросы и что я хочу потанцевать. Я до сих пор слышу ответ Луначарского:

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО
ИСКУССТВА

МИР
ЗА СТРУНАМИ

«Дурочка ты, дурочка! Запомни этот день на всю жизнь—это же великий Эйнштейн с тобой разговаривает!»

Из родословной. В ней переплелись музы и пушки. Отец, как сказано, был скрипачом, мать—певицей. Бабушку—Зограф-Дулову—Чайковский считал блестящей пианисткой и посвятил ей свою «Салонную польку». А с «военной» стороны—прапрадеды Филисов и Дулов сражались в 1812 году и получили от Кутузова золотое оружие. В Ленинграде сестра нашла старинный портрет Филисова. Когда его расчистили, открылась подпись Кипренского.

В оркестре Большого. Здесь, как правило, я «служу» в балете. Во время арфового соло невидимые нити протянуты между дирижером, балериной и мной.

Путешествия. С тех пор как я стала солисткой филармонии, вся жизнь проходит в путешествиях. Моя арфа побывала в самом южном пункте СССР—на Кушке, а потом и на Северном полюсе. Это было в 1955 году. Самолет опустился на льдину, и мы с Риной Зеленой, конференсье Бруновым и другими шли за начальником «СП-4» Толстиковым. Подо льдом был океан, и Брунов сострил: «Если мы провалимся с концертом, то все-таки никто не скажет, что мы мелко плаваем». Мы не провалились, и полярники подарили мне щенка по кличке Полюс.

Арфа продолжается. Французскому поэту XVIII века Лебрёну казалось, что он видит закат арфы: «Дрожи, сладкозвучная нежная арфа, и робко тяни свои струны в наш век...» Лебрён ошибался. Арфа выжила, и ныне, не говоря о расширении арфового репертуара, мы проводим свои конгрессы, конкурсы, специальные «недели» (последняя такая международная «неделя» арфы состоялась в августе 1976 года в Голландии). Древнейший музыкальный инструмент человека следует в будущее, и лишь одно осталось неизменным: чтобы игра была ясной, полной, нужно струну захватывать в ладонь и звук как бы горстями черпать...

На седьмой звуковой странице В. Г. Дулова исполняет «Танго» К. Сальседо и рондо из Концерта для арфы, виолончели и двух скрипок Я. Дусика.

**Четвертая
звуковая страница:
«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!
Я МОГУ ПРОЧИТАТЬ
ВСЕ, ЧТО ВЫ
НАПЕЧАТАЕТЕ, ХОТЯ И
НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО Я ВАМ
ЧИТАЮ...»**

На фото Л. Лазарева: зашифрованный «разговор» машины; у пульта управления ЭВМ.

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

Проблема эта издавна занимает умы ученых. Еще во времена Екатерины Второй Российская Академия наук объявила международный конкурс на создание устройства, которое могло бы искусственным путем воспроизводить хотя бы пять гласных звуков. С этой задачей справился член Петербургской академии Христиан Кратценштейн. В 1779 году он сконструировал акустический резонатор, напоминавший по форме голосовой тракт человека. А уже в 1791 году австриец Кемпелен создал машину, умеющую произносить не только отдельные звуки, но и связные слова. Но это лишь предыстория.

Подлинная история синтезаторов речи началась в 50-х годах нашего века с возникновением кибернетики. В настоящее время эксперименты по синтезированию человеческой речи успешно проводятся как за рубежом — в США, Японии, Франции, — так и в Советском Союзе, в научно-исследовательских лабораториях Пензы, Новосибирска, Киева.

Машину, голос которой вы услышите, поставив на проигрыватель четвертую звуковую страницу, мы назвали «Фонемофон». Ну, а если говорить языком технического, то созданный в нашей лаборатории прибор — это синтезатор человеческой речи, оригинальность которого защищена тремя авторскими свидетельствами.

С ВАМИ ГОВОРИТ МАШИНА

Главное преимущество минского синтезатора в том, что он наиболее полно моделирует процессы речеобразования. Проще говоря, «Фонемофон» не только воспроизводит звуки человеческой речи, но и анализирует место каждого звука в слове, а потом, на основе этого анализа, выбирает именно тот вариант фонем, который в данном контексте произнес бы и человек. Например, фонема «с» в словах «Саша», «суша» и «сила» звучит по-разному. И «Фонемофон» не ошибется в выборе.

Кроме того, основываясь на анализе текста, «Фонемофон» произносит слова и фразы с соответствующими интонациями и ударениями. В этом вы убедитесь сами, а чтобы расширить ваше представление о его возможностях, добавлю, что он может имитировать голоса разного тембра и высоты, то есть способен говорить как женским голосом, так и мужским — басом, тенором, сопрано. И в любом темпе — медленно или скороговоркой.

И, наконец, последнее: каково назначение синтезатора?

Сейчас ЭВМ и люди говорят на разных языках. ЭВМ не понимает человеческую речь, а ее речь понятна лишь специалистам. С внедрением «Фонемофона» электронно-вычислительная машина обретет голос, а следовательно, станет доступной практически для каждого, имеющего под рукой телефонный аппарат. Достаточно будет набрать номер информационного центра и ввести запрос. Машина среди тысяч вариантов отыщет то, что вас интересует, и ответит. В диспетчерской службе, в справочном бюро, в крупном книгохранилище — словом, всюду, где необходим быстрый и доступный контакт с памятью ЭВМ, — синтезатор будет незаменим.

Борис ЛОБАНОВ,
кандидат технических наук
г. Минск

Евгений ЕВТУШЕНКО

Я не убежден в том, что существует врожденный поэтический слух. Но в том, что такой слух можно воспитать, убежден.

Когда мне было пятнадцать лет, мне повезло: я встретился с журналистом и поэтом Николаем Александровичем Тарасовым.

До этого я занимался в поэтической студии районного Дома пионеров. И вот в один из майских дней 1949 года я пришел в редакцию газеты «Советский спорт» на Дзержинке. Я был в выцветшей майке, в спортивных шароварах и рваных тапочках. В руках у меня было стихотворение, где подвергались сравнительному анализу нравы советских и американских спортсменов, написанное «под Маяковского».

Вся редакция помещалась в одной большой комнате, где в табачном тумане несколько мистически вырисовывались стучащие на машинках, скрипящие авторучками, шуршащие гранками фигуры. Я робко спросил, где отдел поэзии. Из тумана мне рявкнули, что такого отдела вообще нет. Но вдруг из того же тумана высунулась рука, легла мне на плечо, и чей-то голос спросил: «Стихи? Покажите мне, пожалуйста». Я сразу поверил и этой доброй руке и этому голосу. Передо мной сидел черноволосый человек лет тридцати. Это и был Тарасов. Он заведовал сразу четырьмя отделами, в том числе иностранным и литературным.

Тарасов посадил меня рядом, пробежал глазами стихи. Потом, ничего не говоря о них, спросил: «Еще есть?» Я достал из-за пояса тетрадку и стыдливо сказал: «Только это не о спорте». Тарасов улыбнулся: «Тем лучше»,—стал читать стихи вслух, не обращая внимания на трескотню пишмашинки. Потом подозвал какую-то женщину и прочитал ей строчку, где гроздь винограда сравнивалась со связкой воздушных шаров. «Ну как, будет писать?» «Будет»,—ответила женщина. Это была редакциянная машинистка Т. С. Малиновская. «Я тоже так думаю»,—сказал Тарасов и, снова улыбаясь, написал на одном из стихотворений магическое, столь долгожданное «в набор». И стихотворение уплыло куда-то, чтобы появиться на страницах газеты через день.

ВОСПИТАНИЕ ПОЭЗИЕЙ

5

Тарасов проводил со мной долгие часы, не только объясняя, что хорошо в моих стихах и что плохо. Он открыл мне многих поэтов, в том числе Павла Васильева и Бориса Корнилова. Друзья Тарасова давали мне почитать из своих библиотек редкие сборники. Твардовский уже не казался мне простоватым, а Пастернак—чрезмерно усложненным.

Пройдя через руки Тарасова, увидели свет около пятидесяти моих первых стихов. Они были еще очень плохие, и честно скажу, если бы сегодня ко мне пришел молодой человек с точно такими же стихами, я вряд ли угадал бы в нем поэта. А Тарасов угадывал: безграничная любовь к поэзии дала ему этот дар. Он угадал Юрия Казакова, тоже впервые напечатав его в «Советском спорте». Угадал и Вознесенского по первым же публикациям и впоследствии, будучи редактором журнала «Физкультура и спорт», напечатал там его поэму, имевшую к спорту весьма отдаленное отношение.

Мы стали друзьями на всю жизнь. В последние годы я мечтал о том, чтобы вместе с Николаем Александровичем издавать журнал, ставящий перед собой прежде всего литературно-воспитательные цели. Лучшего человека, чем он, для этого трудно было себе представить. Я знал, сколько сил он положил в московском объединении поэтов на воспитание молодых! Как он был беспристрастно строг и вместе с тем пристрастно восторжен в разговорах с ними! Он был награжден талантом умения радоваться чужим стихам, как будто сам их написал, даже тогда, когда ему совсем не писалось.

Тарасов принадлежал к поколению Кульчицкого, Когана, Майорова. Начал писать стихи еще в школьные годы, но жизнь пошла по журналистской колее, начиная с корреспондентской работы в заблокированном Ленинграде. Мне он всегда говорил, что не надо страшиться ранней профессионализации. Сам же, однако, никогда не стремился к ней. Его поэтическое развитие оказалось вследствие этого замедленным, но замедленность не есть опоздание навсегда.

Этот тонкий и своеобразный поэт успел выпустить при жизни всего три книги стихов. Он очень хотел, чтобы вышла пластинка его стихов в «Кругозоре», но и тут, видимо, считал, что время терпит...

Упирается в вечность перо.
На куски разлетается молот.
Слишком рано.

И слишком светло.
Синева, заточенная в холод.
Подойди к этой грани и стань
в трех шагах от прокатного стана.
Броневая бессмертная сталь.
А ни жизнью, ни смертью не стала.
Но ведь так облицован «Союз»
в ожиданье космической сцены.
И бесценный и солнечный груз
заключен в эти жесткие стены.

Стены воздуха, стены огня,
стены света в железной оправе
защищают меня от меня,
подчиняясь давлению правил.
Я давно исключенья отверг
(а люблю холодок под руками!),
и когда порываются вверх,
эти стены и мне помогают.
И гляжу я с далекой Земли,
освещенной мерцанием сосен,
как уходят на Марс корабли
в эту легкую позднюю осень...

Единственная запись поэта
сделана его друзьями
на домашнем магнитофоне.
Вы услышите ее
на пятой звуковой странице
Николай Тарасов читает
пять стихотворений.

В числе лучших спектаклей нынешнего театрального сезона прессой был назван «Кавказский меловой круг» Бертольда Брехта, поставленный на сцене Тбилисского государственного академического театра имени Ш. Руставели.

За круглым столом «Кругозора» — режиссер Роберт Стура, поставивший «Кавказский меловой круг», главный режиссер Московского театра сатиры Валентин Плучек, гости из города Саарбрюккена — побратима Тбилиси, — побывавшие недавно в столице Грузии и увидевшие этот спектакль.

Роберт СТУРА: «Кавказский меловой круг» — любимая пьеса Брехта. Он использовал в ней древнюю легенду, действие которой перенес в феодальную Грузию. Это рассказ о том, как судомойка Груше Вачнадзе спасает сына губернатора и увозит его в горы. Самого губернатора убивают восставшие князья, город горит, губернаторша скрывается, а Груше с мальчиком на руках терпит всяческие испытания и преследования, так как за голову ребенка обещана большая сумма. Через несколько лет губернаторша начинает требовать возврата сына, но Груше не отдает его. И тут в пьесу вступает главное действующее лицо — Аздак, который должен рассудить, кому принадлежит ребенок — той, которая его родила и бросила, или той, которая спасла и воспитала. Он принимает мудрое, чисто народное решение: чертит мелом круг и в него ставит мальчика, предлагая двум матерям разделить ребенка. Груше отступает — она не может разорвать ребенка на две части. И Аздак справедливо называет ее матерью.

В этом спектакле мне очень важно было выразить идею того, что именно народ является хранителем всего прекрасного, святого и справедливого и что в мире должны горжествовать добро и справедливость. Как всегда у Брехта, мысль хрестоматийна, но в этом и прелесть его мысли, потому что мы часто забываем именно хрестоматийные истины.

Мы боялись братья за Брехта: его пьесы — это переплетение всех жанров, они требуют и синтетического актера и синтетической режиссуры, знания психологического театра, и гротескового, и драмы, и трагедии. Риск велик, но и соблазн велик — на этой пьесе можно было проверить своих актеров, художника, композитора да и самого себя в конце концов.

А репетиции шли уже без страха и приносили нам колоссальную радость. И это ощущение счастья и радости потом перешло в сам спектакль.

Валентин ПЛУЧЕК, народный артист СССР: В «Кавказском меловом круге» испытания, которые проходит героиня, — это экзамен на человеческое в человеке. В

Фото В. Карева
и Г. Ровинского.

„МЕЛОВОЙ КРУГ“

сложном потоке событий идет этот экзамен, и Груше выдерживает его. Всем ходом спектакля, всей его сутью утверждается, что главное—это право и смысл быть человеком.

Мне выпало счастье общаться с Брехтом. Нельзя забывать, что некоторый дидактизм драматурга, порой воспринимаемый как требование к актеру отбросить всякую эмоциональность, был вызван конкретными историческими условиями. Послевоенная Германия требовала обращения не к эмоциям, а к рассудку.

Но для самого Брехта это был лишь этап. И потому я уверен, он был бы счастлив увидеть спектакль руставелевцев. Здесь Брехт в новом качестве, Брехт, в котором умение трактовать ситуации обрело яркую, пламенную эмоциональность, темперамент. Это, с моей точки зрения, уникальное явление.

Герман ВЕДЕКИНД, генеральный директор Саарбрюккенского городского театра: Хочу сказать, что знакомство с грузинской музыкой, культурой обогатило меня. Сегодня мы уже не представляем себе репертуар нашего театра без грузинской музыки. Прекрасна музыка Ги Канчели в «Кавказском меловом круге». Моя особая мечта: показать в Саарбрюккене спектакль в исполнении актеров Театра имени Руставели. С этим спектаклем нужно познакомиться всем. Я видел много постановок «Кавказского мелового круга». Это — лучшая.

Гюнтер ПЕНЦОЛЬД, доктор искусствоведения: Я впервые увидел на грузинской сцене осознанного Брехта. Темперамент, чарующая фантазия и при этом всегда умное режиссерское решение — вот с какими впечатлениями уходит немецкий зритель со спектакля в грузинском театре. Зритель, который не знает грузинского языка, но который хорошо знаком с подлинным Брехтом.

Режиссер, который не был скован рамками традиционных канонов, теорий, моделей, сумел рационально и умно воспользоваться этой свободой до конца. Он отказался от уже написанной для «Кавказского мелового круга» музыки Дессау, обязательной для немецкой сцены, и заменил ее композициями, похожими на мюзикл. И это сразу же дает возможность зрителю познать эмоционального Брехта.

Тбилиси

В театре «Кавказский меловой круг» идет три с половиной часа. На звуковой странице режиссер Роберт Стуруа свой музыкальный репортаж укладывает в шесть с половиной минут.

Сцены из спектакля «Кавказский меловой круг» Б. Брехта: Аздак—Р. Чхиквадзе, Груше—И. Гигошвили, Ефрейтор—Г. Сагарадзе, Солдат—И. Гогитидзе, Ведущий—Ж. Лолашвили.

Спорят два письма:

Ваш «Крутозор», насколько я понимаю, это журнал в основном для «юноши, обдумывающего житье». Но слишком много места вы уделяете театру. Это неблагоприятная тема, потому что театр сейчас непопулярен, а молодежи вообще не нужен...
г. Тамбов (без подписи).

Я очень люблю театр, занимаюсь в театральной студии. Мы с увлечением прослушиваем каждую страничку вашего журнала, обсуждаем. Очень благодарны вам за то, что в каждом номере есть что-то о театре.

О. Храмова,
ученица
10-го класса,
г. Хабаровск.

НА КАВКАЗЕ

ТЕАТР
«КРУГОЗОР»

Зимнее жестяное утро хрустит, потрескивает, шелестит. Валя поднимает глаза, смотрит вверх и наблюдает там что-то неясное. Посмотреть в сторону или вниз, под ноги, она уже не может, потому что голова ее крепко оплетена толстым белым платком. В круглой рамке платка, охватившего лицо, перед Валею проплывает утренний смутный мир. Плышет он перед ней очень медленно, лениво, потому что шагают они с матерью по обледенелому тротуару не спеша и крепко держатся при этом за руки. Иногда Валина мать на ходу принимается думать о своей работе, отворачивает рукав пальто и смотрит на часы. После этого она начинает торопиться, убыстряет шаги. Но скоро опять приостанавливается, вспоминая, что Вале поспевать за ней трудно.

Валя в это время разглядывает высокие дома впереди, и они ей кажутся большими волками, у которых горят желтые глаза. Со всех сторон глядят они на нее из темноты и подступают все ближе. Но тут Валя и мать выходят из переулочка на улицу, где гораздо светлее. Здесь она видит, как бегут мимо них троллейбусы и машины, и все они тоже кажутся ей похожими на тех больших зверей, с которыми она познакомилась летом в зоопарке.

Однако никаких зверей Валя не боится. Валя абсолютно ничего не боится, потому что рядом с ней идет и крепко держит Валину руку в теплой варежке ее мать. Валя может идти с матерью куда угодно и что угодно встречать на своем пути, страшно ей все равно не будет.

Но, к сожалению, идти им нужно не очень далеко. Мать сворачивает в подворотню большого дома, тянет за собой чуть упирающуюся Валу. В дальнем углу двора над дверью с высоким крыльцом висит темная доска, на которой нарисованы белые буквы. Валя читать еще не умеет, но она и без этого прекрасно знает, что на доске написано. На ней написано: «Детский сад».

Взойдя на крыльцо, мать чуть медлит перед дверью и при этом волнуется. Перед ними распахивается коричневая деревянная дверь, и за ней, в глубине коридора, они видят другую дверь, стеклянную, которая Вале не нравится.

Там, за второй, стеклянной дверью, на Валу сразу же обрушивается шум. Дети громко кричат, бегают по большой комнате, хватают игрушки, отнимая их друг у друга, зовут на помощь Зою Андреевну.

Шум этот мешал Вале, сразу утомлял ее, она уходила от него подальше, в угол, садилась там на стульчик перед огромным зеленым аквариумом и подолгу глядела, как шевелятся в воде тихие красивые рыбы.

Несколько дней назад, насмотревшись на Валу у аквариума, воспитательница Зоя Андреевна объявила с неудовольствием Валиной матери, когда та после работы зашла за дочерью:

Галина КОРНИЛОВА

**ТЫ
МОЕ
ЗОЛОТО !!**

— Она неконтактна. В массовых играх не участвует, сидит сиднем в углу, глядит на рыб и молчит.

На самом же деле Валя возле аквариума не молчала. Если бы воспитательница посмотрела на Валю внимательно, она могла бы заметить, что губы у нее все время двигаются. Валя шепотом разговаривала с рыбами.

Мать растерянно сказала:

— Она очень любит животных...

Когда кончилась долгая зима, засветило солнышко и наступило лето, детский сад со всеми ребятами выехал на дачу. Теперь уже Валя не могла видеть свою мать каждый день по утрам и вечерам, не ходила с ней гулять по воскресеньям в парк, где в клетках живут большие звери.

Аквариум с красными рыбками тоже остался в городе, так что делать ей на даче было особенно нечего. И в первые дни Валя ничего не делала. То есть она послушно делала все то, что требовали от нее воспитательницы, но самой ей делать ничего не хотелось. Даже есть Вале первые дни на даче не очень хотелось. Но однажды, гуляя по распоряжению Зои Андреевны во дворе, по дорожке, Валя вдруг заметила, что возле забора лежит коричневый комок тонких, переплетенных между собой веточек. Легкий иссушенный остов когда-то пышно росшего растения. Ветер вырвал его с корнем из родной почвы, долго гонял по свету и наконец зашвырнул на территорию детского сада. Валя посмотрела на пышный клубок веток и сразу же узнала в нем лохматого и послушного щенка. Она остановилась и немного подумала. Потом отстегнула от платья розовый поясик, привязала один его конец к торчащей из клубка веточке и повела щенка за собой. Она назвала его Тобик.

Теперь, когда у нее был Тобик, Валина жизнь на даче сделалась намного веселее. Днем она придумывала для своего щенка разные игры, а на ночь и на то время, когда дети должны были идти в столовую, прятала сухой куст в большой ящик из-под апельсинов, валявшийся на заднем дворе.

Однажды она рвала на поляне траву, чтобы сделать подстилку для резвившегося тут же Тобика. Как вдруг все вокруг нее сделалось радостным и теплым. С минуту Валя побарахталась, зажмурившись от счастья в этом окутавшем всю ее тепле, потом повернула голову туда, откуда оно шло к ней. И тут же увидела в щели забора глаза своей матери.

— Мама! — шепотом закричала Валя, оглянувшись по сторонам и, подхватив на руки Тобика, кинулась к забору. Прижавшись с разных сторон к доскам, они с матерью начали поочередно рассказывать друг другу о самых важных вещах. Мама сказала Вале, что родителям приезжать сюда, на дачу, не разрешают, потому что дети после встречи с ними плачут и плохо едят. Мама просила Валю хорошо есть и не скушать.

Валя же рассказывала матери про Тобика. Она с гордостью подняла его на руки и поднесла к щели, чтобы мама посмотрела. Матери Тобик очень понравился. Она на минуту исчезла из щели, а потом появилась ее рука, держащая узенькую синюю ленточку, которой обычно она связывала сзади волосы, так что получался хвостик.

— Это Тобику от меня подарок, — сказала мать, — завяжи ему бантик.

Вслед за ленточкой мать впихнула в щель пакетик с конфетами и две шоколадки. Потом Валя прошла к тому месту у забора, где рос высокий пенёк, влезла на него, и мать, дотянувшись, погладила Валю по голове.

Тут послышался громкий голос воспитательницы. Она стояла на крыльце и созывала детей мыть руки. Мать торопливо попрощалась с Валею, еще раз похвалила ее Тобика и ушла, пообещав скоро встретиться Валю в городе.

Но на самом деле в город с дачи они вернулись не так уж скоро. Валя думала, что она приедет в город к своей маме вместе с Тобиком, но случилось так, что незадолго до их отъезда Тобика кто-то поломал. Как-то утром после завтрака Валя пришла на задний двор и нашла на земле, возле ящика, в котором спал Тобик, только грудку мелких поломанных веток, а среди них — узкую синюю ленточку.

Она сидела на траве и тихо плакала о Тобике, когда вдруг услышала, что за ними через два дня приедут машины и детский сад поедет обратно в город.

Когда автобусы с детьми остановились на улице перед воротами детского сада, всех ребят вывели из машин и начали строить в пары. Но Валя вдруг увидела свою мать. Она стояла на тротуаре в незнакомом Вале красивом платье и улыбалась издали дочери. Валя вырвала руку у парного с ней мальчишка и бегом бросилась к тротуару. С разбегу она уткнулась матери в ноги и крепко обхватила ее колени.

Воспитательница, неодобрительно покачав головой, пошла к ним и сообщила матери, что Валя поправилась на пятьсот граммов, но что характер у нее упрямый и ей необходимо усилить педагогическую работу с ребенком.

— Спасибо, спасибо! — сияя, отвечала мать и еще крепче прижимала к себе Валю под неодобрительным взглядом воспитательницы.

«Родители, — скажет потом воспитательница на совещании по итогам летнего отдыха, — критические замечания в адрес характеров их детей просто не воспринимают. Им все равно кажется, что их ребенок — золото...»

— Золото ты мое! — воскликнула мать и, оторвав Валю от своих колен, вдруг подкинула ее высоко вверх.

Вале хорошо и весело взлетать над землей и падать вниз в сильные руки матери. Всю ее вдруг переполняет чувство гордости и непобедимости, радостной уверенности в том, что мир, в котором она живет, прекрасен.

Весной нынешнего года в столице Киргизии Фрунзе прошел очередной, девятый по счету Всесоюзный кинофестиваль. Родился он в Ленинграде в 1964 году и с тех пор каждый раз меняет свой адрес, что придает киносмотрам, кочующим из одной республики в другую, неповторимый национальный колорит. Из всей многообразной конкурсной программы мы расскажем только о двух художественных лентах, разных по жанру, манере и стилю.

Первая—«Когда наступает сентябрь»—сделана на Мосфильме сценаристом К. Исаевым, режиссером Э. Кеосаяном. Мы знаем Исаева по «Подвигу разведчика», «Секретной миссии», «Верным друзьям» и многим другим фильмам, Кеосаяна—по приключениям «неуловимых мстителей». Но вот встретились два опытных кинематографиста, и родилось произведение, не похожее на все, что они делали порознь.

Основа сюжета—несколько дней из жизни старого крестьянина Левона, приехавшего из далекой Армении в Москву, чтобы проводить внука в первый класс. Казалось бы, ситуация самая обыденная, а между тем фильм, удостоенный Главного приза фестиваля, получился философский, с глубоким и емким подтекстом о смысле и могуществе доброты, о ее необходимости в нашей быстротекущей жизни.

Хотя музыке в этом фильме отведено скромное место, запоминается лирическая песенка «Для тебя», спетая Владимиром, зятем Левона, на фабричном вечере отдыха. (В этой роли мы снова увидели В. Ивашова, так полюбившегося нам в «Балладе о солдате».) Она написана композитором Я. Френкелем.

Первый художественный фильм, к которому Френкель написал музыку,—«Женщины» студии Горького—вот уже десять лет не сходит с наших экранов, а его последняя работа на этой же студии—«Это мы не проходили»—была показана во Фрунзе и удостоена премии ЦК ВЛКСМ как лучший фильм для молодежи.

Сценариста М. Львовского и режиссера И. Фрза уже много лет волнуют проблемы советской педагогики. В их новой картине объект воспитания не только дети, но и молодые учителя, еще студенты, приезжающие на практику в большой приморский город. Оказывается, учить детей становится все труднее и труднее. Жизнь богаче и разнообразнее всех академических программ и учебников по педагогике, а знаменитая формула «это мы не проходили», вынесенная в название фильма, не может служить оправданием для начинающего педагога.

За тридцать лет режиссерской деятельности Ильи Фрза выросли герои его фильмов «Слон и веревочка», «Первоклассница». Наташа Зацепина мечтала научиться прыгать через веревочку, а теперь, в новой картине, она мать десятиклассника Мити.

Фильм «Это мы не проходили», несмотря на серьезность проблематики,—лирическая комедия, где много мягкого юмора и веселых песен. Еще идут титры, а за кадром уже слышится задорная студенческая песня, настроивающая нас на нужную волну. Она задает тон и ритм всей вещи, эта дорожная песня, прославляющая «совсем не тесное купе четырехместное». В одном из таких купе с гитарой и песней едут на практику герои нашей картины—будущие учителя.

Инна ГАНЕЛИНА

На десятой звуковой странице—отзвук девятого Всесоюзного кинофестиваля: песни

«Дорожная», «Лирическая» и «Для тебя» (Я. Френкель, М. Львовский, И. Шаферан). Солисты Н. Бродская и В. Ивашов.

МУЗЫКА КИНО

НА ЭКРАНЕ—УЧИТЕЛЬ

Мне бы очень хотелось встретить в «Кругозоре» песни в исполнении Д. Клиффа (например, «Тем тяжелее будет их падение»). Это ведь не просто песни — это песни борьбы и протеста простого народа Ямайки.

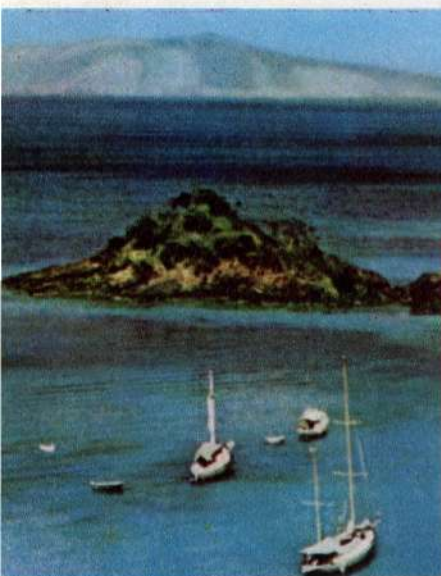
В. Мальнева,
г. Райчихинск, Амурская обл.

На протяжении многих десятилетий на Ямайке, как в большом этнографическом котле, перемешивались музыкальные традиции самых разных народов — нигерийского племени ашанти, культовая музыка местного коренного населения, блюзы американских

ров — людей, сыгравших ключевую роль в становлении популярной музыки последнего десятилетия. Первым в студиях звукозаписи ямайской столицы Кингстона появился американский композитор и певец Поль Саймон. За ним последовали и другие — Пол Маккартни, Элтон Джон, Кэт Стивенс. А гитариста и певца Эрика Клаптона ямайская народная музыка очаровала настолько, что сейчас он практически ничего другого и не исполняет.

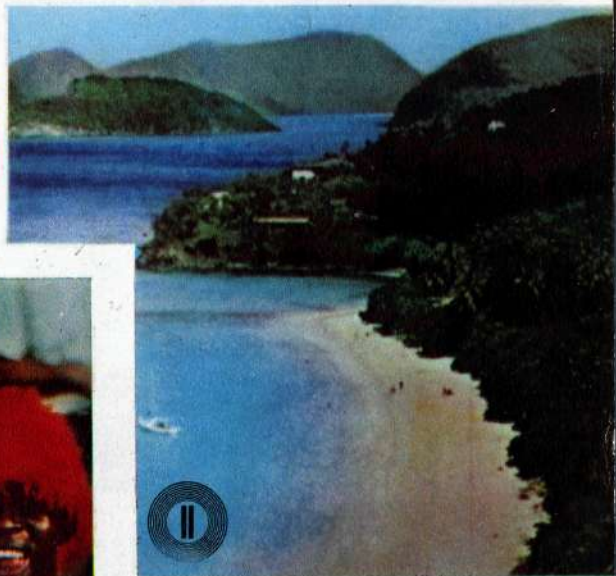
В чем же специфичность народных песен Ямайки? Прежде всего в непривычном для нашего уха ритме. Из

африканской музыки пришла традиция накладывать друг на друга несколько ритмических рисунков. Ударник на Ямайке играет нечто прямо противоположное тому, что делает его европейский или американский коллега. Его большой барабан акцентирует как раз те доли такта, которые в обычной эстрадной музыке остаются безударными, — вторую и четвертую. Гитара тоже превращается в ритмический, а не мелодический инструмент. И, наконец, один из самых важных элементов народной музыки Вест-Индии — это бас. Настоячивый, глубоко

РИТМЫ ЯМАЙКИ

ФОЛЬКЛОРНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

негров. К концу прошлого века сложилась новая народная музыка, которую местные жители стали называть «менто». Вечером у ярких костров собираются сельскохозяйственные рабочие, и начинаются песни и танцы под звуки гитар, нескольких барабанов и странных, чаще всего самодельных скрипок и саксофонов, сделанных из бамбука.

В последние годы народная музыка Карибских островов преодолела еще один барьер — и на сей раз не географический. Примечательно, что музыка Ямайки привлекла не только самых модных, но и самых серьезных масте-

кий, играющий как бы враскачку, он и создает характерную пульсацию, определяет движения танцующих.

«Рэггей» (так окрестили музыкальный стиль Ямайки в Европе) зародился как музыка угнетенных и обездоленных. Поэтому в лучших его песнях говорится о самых важных событиях в жизни острова — о том, как, устав дожидаться обещанной земли, крестьяне сами захватывают пустующие наделы феодалов, о том, как надо бороться за независимость, за свои социальные и политические права.

Г. ЛИБЕРГАЛ

В ответ на обзор читательской почты (№ 3—76) пришло немало откликов. Есть среди них и такие: «Обидела меня ваша статистика,— пишет студент из Брянска А. Добин.— В самом деле, почему такой малый процент студентов? Просто студенты — народ занятый, и на письма не хватает времени. Но мы решили: процент надо поднимать! Ведь мы обращаемся к вашему журналу, не только чтобы услышать популярную мелодию (проще послушать магнитофонную запись). «Кругозор» дает нам самую разностороннюю информацию».

С каждым годом число наших корреспондентов увеличивается. Для редакции письма — показатель интереса к публикуемому материалу. Важна и читательская оценка вышедших номеров. Поэтому нас радуют такие отзывы, как этот: «Кругозор» шагает в ногу с событиями страны, не выпуская из виду и важнейшие события международной жизни. Политика, труд, спорт, наука и техника, музыка — вот неполный перечень сторон нашей жизни, которые находят отражение в «Кругозоре». Подпись: «Строитель газопровода Оренбург — Западная граница».

Из писем школьников мы узнаем о конкретной помощи журнала во внеклассной работе. «По «Кругозору» мы подготовили сообщения «Песня против войны во Вьетнаме», «Виктор Хара — народный певец Чили», — рассказывает школьник из Алма-Аты М. Ахметов. — А звуковая страница «Говорят великие ученые» с голосами Эйнштейна, Резерфорда, Циолковского, Ландау, Жолио-Кюри, Курчатова и Вавилова находится в школьном музее».

По письмам мы замечаем, как постепенно взрослеют наши чита-

тели и растут их духовные запросы. «Года два тому назад я интересовалась только теми страницами журнала, которые отводились певцам и кадрам из кинофильмов. И я просматривала страницы, посвященные рабочему классу. А теперь я все чаще и чаще останавливаюсь на них. Передо мной стоит вопрос: кем быть?», — пишет десятиклассница из Сыктывкара. С 1973 года журнал ведет разговор о профессиях в рубрике «Юноше, обдумывающему житье». Ко всем, кому «Кругозор» помог в выборе жизненного пути, мы обращаемся с просьбой: расскажите, как сложилась ваша жизнь дальше.

Сейчас редакция обсуждает планы на 1977 год — год 60-летия Советской власти, к празднованию которого готовится вся страна. В связи с этим нам хотелось бы узнать, каким журнальным рубрикам вы отдаете предпочтение, что нового хотели бы увидеть на страницах «Кругозора».

В редакционной почте уже есть ряд интересных предложений. Московский слесарь К. Андреев, например, советует публиковать фрагменты большой серии радиопередач о В. И. Ленине «Годы великой жизни». Она привлекла его «задумкой, исполнением, насыщенностью документальной информацией о жизни великого нашего человека». Сам он давно занимается рабкорской деятельностью. «Без намека на собственную персону», — пишет К. Андреев, — скажу: люди, которые умеют работать на своем рабочем месте и умеют доходчиво, популярно рассказать, как это у них получается, становятся все более необходимыми в нашей жизни». Точные слова!

Итак, ждем ваших писем.

9(150) сентябрь
1976 г.

Год основания —
1964

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ**

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1976 г.

На первой странице
обложки:
«Учиться, учиться
и учиться!»
Художник
Г. Спирин

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
23.07.1976 г.
506605. Подл. к печ.
30.07.1976 г.
Формат 60 × 84¹/₂
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2606. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- Искры почина.** Тираспольские швейницы — о бригадах качества.
- Легенда и современность.** К 100-летию героической гибели болгарского поэта и революционера Христо Ботева.
- Ребята настоящие.** Рассказывают мастера-наставники профессионально-технического училища.
- «Здравствуйте, люди!»** Читает, считает и поет... «Фонемофон» — синтезатор человеческой речи.
- Стихи Николая Тарасова.**
- Искусство титанов:** музыка Шостаковича на стихи Микеланджело.
- Играет Вера Дулова.**
- Русские романы** «Мы только знакомы», «Тени минувшего» и «Ночные цветы» исполняют Елена Даль и гитарист Юрий Чернов.
- «Кавказский меловой круг»** в Театре имени Руставели. Музыкальный репортаж.
- Композитор Ян Френкель:** музыка кинофильмов «Это мы не проходили» и «Когда наступает сентябрь».
- Ритмы Ямайки.** Песни Д. Клиффа и Э. Клаптона: «Тем тяжелее будет их падение», «Прожить сегодняшний день».
- Серж Лама** (Франция): «Время рефренов» и «Глицинии» (И. Гильбер, С. Лама).

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО.

Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),
А. Б. ДИХТЯРЬ, И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер).
Технический редактор Л. Е. Петрова.

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25.
«Кругозор».

вы нам писали...

Многие из нас впервые увидели Дмитрия Дмитриевича Шостаковича на сцене Большого зала Ленинградской филармонии. Его появлению всегда сопутствовал взрыв оваций. Он выходил застенчиво, смущенно, будто не чувствуя себя создателем и укротителем только что отзвучавшей лавины звуков.

Проводить параллели между личностью художника и его творчеством — дело трудное, но необходимое. Необходимое, так как очевидно, что творчество всегда своего рода автопортрет, и постижение человеческих свойств автора помогает понять некоторые секреты его творений. Трудное, потому что легко власть в вульгарность, пойти на поводу у плоских уподоблений.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович — личность легендарная. Это человек огромного масштаба, по всеохватности своего мышления напоминающий Микеланджело, Шекспира, Сервантеса, великих философов древности. Он никогда не философствовал абстрактно, все у него было жизненно, конкретно. Его доброта, боль за людей, его протест против зла носили очень личный характер.

Огромность его личности подчеркивается изумительной скромностью. Вот что писал Дмитрий Дмитриевич об Иване Ивановиче Соллертинском: «...у меня сложилось такое о нем впечатление, что это человек необыкновенный, что с ним трудно и неловко человеку обыкновенному, среднему, и когда в 1921 году один мой друг познакомил меня с Соллертинским, то поскорее ступешался, так как чувствовал, что мне очень трудно будет вести знакомство со столь необыкновенным человеком». Это не рисовка: действительно, Дмитрий Дмитриевич считал себя обыкновенным человеком. Как видим, это чувство он испытывал и в пятнадцатилетнем возрасте, когда подростки обычно очень высокого мнения о себе. Это пронес он через всю жизнь. Многие с трудом воспитывают в себе такое качество, а в нем оно было от природы.

Любвеобильность Шостаковича — важнейший двигатель его художественного могущества — проявляется и в его

страстном отношении к чужой музыке. Дмитрий Дмитриевич умел слушать музыку, умел ею восхищаться.

Люди, по-видимому, делятся на две категории: одни не успевают ничего, другие — все. Дмитрий Дмитриевич успевал больше чем все. Количество написанной им музыки невероятно. В этом отношении его можно сравнить с Моцартом, Бетховеном, Шубертом. Но разница в том, что венские классики все-таки продолжали развитие одной школы, а Дмитрий Дмитриевич (разумеется, унаследовав великие традиции) создал нечто совсем новое, новаторское по сути, стиль и музыку, совершенно оригинальную и смелую. Его ранние сочинения подобны самым невероятным гипотезам (вспомним Вторую и Третью симфонии, оперу «Нос», а ведь автору их было немногим больше двадцати), и дальнейшее творчество подтвердило, что эта гипотеза — истина, что это — открытие. Очень много сил надо потратить, чтобы пройти нехоженой тропой, прорваться сквозь бурелом условностей, установившихся норм, и в этом свете творческая щедрость Шостаковича поистине загадочна.

Поразительно разнообразен и широк образный мир музыки Шостаковича: от иступленной экспрессии до тихой нежности, любовной лирики и духовного вознесения. При этом все его произведения блистательны по мастерству и совершенны по глубокой и высокой духовной сути. Конечно, огромную роль сыграла феноменальная музыкальная одаренность, но к этому прибавилось изумительное трудолюбие и еще качество, которому трудно найти название. Может быть, самоотрешенность, долг, совесть, любовь к людям, ненависть к злу. Этот замечательный комплекс и двигал пером гения.

Борис ТИЩЕНКО, композитор
г. Ленинград

На шестой звуковой странице две части («Утро» и «Разлука») одного из последних опусов Шостаковича — Сюиты для баса и симфонического оркестра на стихи Микеланджело — исполняют Евгений Нестеренко и оркестр под управлением

Максима Шостаковича.

ИСКУССТВО ТИТАНОВ

СЕРЖ ЛАМА

12

ГОСТИ СССР

Франция

На репетиции Лама спустился со сцены в зал, сел рядом, хохотнул — у него обнаружился этакий мифистофельский смех, — потом начал проговаривать одну из лучших своих песен — «Я болен», где есть строчка, напоминающая известное место из «Облака в штанах»...

— Как, вы говорите, было у Маяковского? — переспросил он и несколько раз повторил французский перевод: — «Мама! Ваш сын прекрасно болен! Мама! У него пожар сердца...» — Затем сказал: — Мне близко у Маяковского постоянное ощущение скрытой нежности и ранимости при внешнем громоздობии и энергии.

Лама говорил быстро, напористо, речь его кипела. Он рассказывал о детстве в Бордо. Об отце — оперном и опереточном певце, который скрепя сердце оставил зыбкую вокальную карьеру ради более надежного занятия — рекламы пива. В этот момент Серж решил вступить на эстрадные подмостки. Но песня вошла в его жизнь раньше. В 11 лет Лама сочинил первый текст — «Балладу для поэта». Мелодию он тогда не записал да и сейчас предпочитает, чтобы музыкой ведали близкие ему композиторы — Ив Гильбер или Алис Дона. Он получает от них свои строфы как бы после переплавки. Следующая ипостась — исполнение. Лама не доверяет его никому. Три ступени. К чему?

— Не к славе, — продолжает Лама. — Мы не звезды. Мы световые точки под лучом прожектора. Он потух — и нас не видать. И смертны мы не менее чем кто-либо. Я сам убедился в этом...

На взлете карьеры Лама попал в жестокую автомобильную аварию, и потом в клиниках его два года «шивали заново». Микрофонная проба после «второго рождения» была совершена в гипсе. И Лама победил. Он превозмог неподвижность, встал на ноги, отвоевал сцену. Этапы жизни — точно тактовые черты во многих его песнях. От «Времени рефренов», где он вспоминает о прошлом, до «Глициний», где он порывает с ним — и идет дальше.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Цена 1 руб. Индекс 70461